

Ильичев В.А.

Оперативные тайны

16+

Валерий Ильичев

Оперативные тайны

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Ильичев В. А.

Оперативные тайны / В. А. Ильичев — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

В повести показаны особенности использования сотрудниками уголовного розыска тайных методов борьбы с криминалом. Наряду с несомненной пользой и эффективностью оперативно-розыскных мер на практике сыщики нередко нарушают установленные правила их проведения. Цель данной книги показать недопустимость отклонения от требований закона правоохранительными органами даже во имя благородной цели борьбы с преступностью.

Оперативные тайны.

Истоки.

(Вместо предисловия)

В февральский вечер 1911 года Петр Аркадьевич Столыпин нервно расхаживал по кабинету, находясь в крайней степени раздражения. Его вывела из равновесия встреча с бывшим премьер-министром Витте. Тот потребовал в очередной раз привлечь к ответственности лиц, причастных к покушению на его жизнь в январе 1907 года. Петр Аркадьевич в резкой форме возразил, что не будет заниматься давно выясненным делом, так как единственный виновник Казанцев убит своими соратниками эсерами за тайное сотрудничество с полицией.

Но Витте требовал выяснить роль сотрудников охранного отделения, которые, по его мнению, организовали покушение из ненависти к его либеральным взглядам и вручили бомбу своему осведомителю Казанцеву. Всю ответственность за покушение Витте возлагал на начальника отделения охраны полковника Климовича, непосредственно руководящего деятельностью этого агента.

Дело было довольно грязное, и возвращаться к нему через четыре года Столыпин не желал. Слишком уж громким мог получиться скандал. При утренней беседе с Витте он вновь утверждал, что тайный сотрудник охраны Казанцев совершил покушение на Витте по личной инициативе без участия своих кураторов из охранного отделения.

В ответ обычно сдержанный Витте в запальчивости возразил:

– Разве вы не знаете, что председатель «Русского народа» Дубровин, тесно связанный с охранкой, давал указания разведать детальный план моего дома? При этом он ссылаясь на пожелания покончить со мной людей, приближенных к августейшей особе. И вы только подтверждаете мои подозрения, препятствуя ходу senatorского расследования по изобличению и преданию суду истинных виновников совершённого на меня покушения.

Эти слова сильно задели Столыпина, и он дал резкую отповедь человеку, который вместо активного участия в государственных делах, ворошит свои давние обиды. В острой словесной перепалке и без того прохладные отношения с Витте окончательно были испорчены. Впрочем, Петр Аркадьевич привык к неприятию и злобным нападкам со всех сторон. Его одинаково ненавидели как революционеры, так и консерваторы, не желавшие допустить в стране реформ.

Столыпин перестал ходить по кабинету и присел в кресло. Он был раздражен от необходимости скрывать правду о причастности сотрудников охранного отделения к покушению на Витте. Несомненно, полковник Климович знал и способствовал готовящемуся преступлению. Но Столыпин как премьер-министр не мог допустить компрометацию полиции, ведущей непримиримую борьбу с террористами. А недалёковидный, по его мнению, Витте из личной обиды требовал отказаться от услуг тайной агентуры, с помощью которой разрушаются планы террористов и обеспечиваются условия для успешного преобразования России.

Столыпин хорошо помнил, как в Государственной Думе в феврале 1909 года он на примере дела Азефа доказывал необходимость агентурной разведки. Тогда ему удалось убедить депутатов, что Азеф никогда не подталкивал революционеров к террористическим актам, а, наоборот, постоянно срывал их планы. Сообщенные им сведения помогли предотвратить ряд покушений на важных чиновников, в том числе на Николая II и его семью во время следования на поезде. Польза от деятельности Азефа выглядела несомненной и перевешивала нанесённый им вред.

Любой здравомыслящий человек, по мнению премьер-министра, должен понимать, что, копаясь в грязи, невозможно не испачкаться. Для достижения святы целей приходится допускать совершение тайной агентурой действий, противоречащих закону. Иначе невозможно завоевать доверие бомбистов, не щадящих ни себя, ни сановников.

И всё же Столыпина беспокоили грубые промахи, допущенные сотрудниками охранного отделения. Так, закончилась катастрофой вербовка члена партии эсеров-максималистов Рысса. Арестованный за убийство и экспроприацию он дал согласие на секретное сотрудничество. Ему был организован побег. Но Рысс повел двойную игру. Он скрыл подготовку взрыва в Аптекарском переулке и нападения в Фонарном переулке с целью захвата денег, перевозимых из таможни в казначейство. В результате революционерам удалось захватить 368 тысяч рублей. Погибла охрана и множество безвинных людей, случайно оказавшихся рядом.

Была еще одна полицейская неудача. В декабре 1909 года состоящий в агентурной сети Петров во время встречи на конспиративной квартире на Астраханской улице взорвал своего куратора начальника охранного отделения Карпова. После этих крупных провалов Столыпин не мог допустить разглашения сведений об участии полиции в покушении на Витте.

На практике он неоднократно убеждался, что поступил правильно, когда при назначении премьер министром, оставил за собой пост министра внутренних дел. Это позволило ему с помощью охранных отделений и их агентуры успешно бороться с террористами и принимать важные государственные решения по реформированию России. И всё же многое его продолжало тревожить:

«Революционеры нетерпеливы и хотят добиться всего и сразу, а дворяне, стремясь к сохранению своих привилегий, ничего не хотят менять. И те, и другие мешают преобразовывать Россию. Во всей России не найдётся и пятидесяти толковых чиновников, способных возглавить губернии и навести там порядок. Велика Россия, а опереться не на кого».

Столыпин заставил себя отвлечься от грустных размышлений о судьбах России. Ему надо было срочно принимать окончательное решение по жалобе Витте. Премьер-министр присел за стол и начал составлять доклад царю об отказе в требовании Витте возобновить расследование по факту совершённого на того покушения.

Через несколько дней 23 февраля 1911 года Николай начертал на докладе:

«Никаких неправильностей в действиях властей административных, судебных и полицейских я не усматриваю».

Пётр Аркадьевич Столыпин был вполне доволен. До его убийства в Киеве полицейским агентом Богровым оставалось менее шести месяцев.

Глава I Заметание следов.

Лось проснулся от шума. В углу камеры уголовники окружили группу политических заключенных. Среди интеллигентов лишь двое крепких парней с рабочих окраин могли оказать в драке серьезное сопротивление. Исход назревающей схватки был очевиден. Уголовников возглавлял известный конокрад Рябой. Пока он был настроен довольно миролюбиво:

– Слушайте, я выиграл в карты приличный костюмчик вашего студента. Пусть снимает «лепеху» и вся недолга. Взамен получит дешёвый клифт, и ему не придется в кальсонах щеголять. Все по справедливости. Так, что не артачьтесь понапрасну.

Рабочие парни протиснулись вперед с согнутыми в локтях руками. Им, выросшим в бараках, где пьяные драки происходили ежедневно, получать по скулам было не впервой. Но на серьезную поддержку их хлипких товарищей им рассчитывать не приходилось.

Быстро оценив обстановку, Лось сбросил своё мощное тело с нар:

– Эй, Рябой, чего спать не даешь?! Шум в камере затеял? По-тихому не можешь свои дела решить?

– Да вот, Лось, политики вздумали свои права качать!

– А из чего весь сыр-бор? Всего лишь из-за тряпичного френча? Давай, сыграни на лепеху со мной. Поставлю против немного «рыжья».

Лось ловко вытянул из-за ворота небольшой обрывок золотой цепочки. Подумав, оторвал одно из четырех имеющихся у него звеньев:

– Вот этого за клифт вполне хватит. Пойдет?

– Рыжье-то не самоварное?

– Попридержи язык, Рябой, а то рассерчаю и вырву с корнем. Тут не базаре: не обманут и не обвешают.

Рябой на мгновение задумался:

«За драку могут посадить в карцер. А если подфартит в картишки, золотишком обогатюсь, и перед этапом водкой и куревом обеспечусь».

И Рябой решился:

– Ладно, давай соорудим банк. Только колотушки от третьих лиц и метать будет посторонний.

– Лады, тасовать и «стирки» сдавать самого студента попросим. Иди-ка сюда малахольный. Да не бойсь. Никто тебя не тронет. Испытай судьбу.

После некоторого раздумья новичок в сопровождении настороженно державшихся рабочих подошел к уголовникам. Лось взял услужливо протянутую истрепанную карточную колоду и протянул студенту:

– Потасуй и сам подними. Кому первому набирать, Рябой?

– Давай ты, а я уж довольствуюсь тем, что останется.

– Твое решение. Ну-ка дай, студент «стирку» на счастье.

Взяв выданную карту, Лось, не торопясь, словно священнодействуя, постепенно сдвигая ладонь, увидел девятку бубен и бодро кивнул студенту:

– Давай еще не скупись!

Увидев вторую карту, Лось с трудом скрыл разочарование:

«Черт принес шестерку. Мало, но рисковать дальше не буду. Рябой мужик жадный, но глуповат. Попробую взять его на фу-фу».

И Лось, сделав вид, что доволен прикупом, кивнул сопернику:

– Теперь тебе набирать. Я останавливаюсь.

Взяв поспешно одну за другой две карты, Рябой заколебался:

«К восьмерке приплыла семерка. Судя по довольной роже Лоса, у него не менее восемнадцати. Надо тянуть еще. Меня выручит любая картинка». И Рябой потребовал:

– Давай, еще одну в открытую.

Взглянув на вывернувшуюся так некстати подряд вторую семерку, небрежно отбросил карты в сторону

– У меня перебор!

Лось удовлетворенно хмыкнул и нараспев произнес известную дразнилку:

– Не «очко» меня сгубило, а к одиннадцати туз. Ну а мои колотушки можешь не смотреть: с двух карт перебора не бывает. Сам знаешь. Не журишь, Рябой. В другой раз фарт словишь.

– Мне-то что? Теперь костюмчик студента твои заботы.

И Рябой, стараясь сохранить достоинство, отправился восвояси, насвистывая лихой мотивчик.

Лось небрежно кивнул новичку:

– Носи пока френч. Вещь не моего размера. Но когда понадобится, то отдашь по первому требованию.

И равнодушно отвернувшись, Лось вернулся на свои нары. Его приятель по кличке Молот разочарованно вздохнул:

– Скучновато разошлись: без драки. Умыл ты Рябого. Только не пойму, зачем ты вступился за политических? Среди них много инородцев. Они в Бога не веруют и царя – не жалуют.

– Эх, Молот, на дворе 1916 год. Войне конца и края не видно. Народ недовольство проявляет. А вдруг по воле этих революционеров все свершится? Возьмут они власть и тогда вспомнят, как я за них заступался.

– Ты что, Лось с ума съехал? У царя войска, полиция, чиновники, а эта кучка горлопанов лишь листовки раздают, да бомбы кидают.

– Да по мне пусть хоть перебьют друг друга. Но чтобы не проиграть ставки надо делать на обе стороны. Да и сам паренек еще может пригодиться для дела. Пусть мое добро помнит.

Лось вновь завалился на нары и, отвернувшись к стене, захрапел.

А спасенный им от раздевания студент Титов сидел в углу среди политических и раздумывал о превратностях судьбы:

«Этот амбал Лось спас меня от расправы не по доброте душевной. Неужели он, как и я, агент полиции и защищает меня по ее заданию? Хотя, скорее всего по глупости рассчитывает на победу революции».

В отличие от уголовника Лося студент юридического факультета Титов, работающий на полицию под псевдонимом «Схимник», в свержение царя не верил. Едва поступив в университет, он сразу примкнул к революционерам. Это было модно. Дух неповиновения слабой власти витал в воздухе. Но однажды Титова вызвали на беседу в охранку. И полицейский чин продемонстрировал полную осведомленность о делах их подпольной организации. Заметив удивление молодого человека, ротмистр Петров довольно рассмеялся:

– Как видите, наши осведомители работают со старанием. Не желаете присоединиться к борьбе со смутьянами? Да не вскидывайтесь в яростном негодовании! Не хотите и не надо! Только рано или поздно вас арестуют. И тогда с опозданием поймёте, что лучше у нас тайком получать хорошее вознаграждение, чем хлебать баланду в тюремной камере.

В тот раз Титов решительно отказался, но во избежание подозрений скрыл от товарищей сделанное ему в охранке предложение. С этого момента он начал присматриваться к своим соратникам, пытаясь вычислить предателей. Но когда прошла волна арестов, он начал сожалеть об отказе от сделанного ротмистром предложения.

Окончательно он решился на предательство, когда случайно увидел, выходящего в обнимку с девицами из дорогого ресторана руководителя их организации Тимофеева. В тот момент Титов ощутил злобу и ненависть:

«Мы с трудом собираем деньги для революционной борьбы. Бедняки по копейке от себя отрывают, а этот боров тратит партийные деньги на веселых девиц. Сволочь!»

С этого дня Сергей Титов все чаще подумывал о переходе на другую сторону баррикад:

«Меня неминуемо ждёт арест. А после учёбы в университете, я в качестве присяжного поверенного смогу защищать бедняков на судебных процессах. И ради общественной пользы мне не стоит жертвовать карьерой».

И наступил день, когда Титов с опаской направился в охранное отделение. Ротмистр встретил его радушно:

– Я с первой встречи был уверен в вашем согласии на сотрудничество. Вы умны и способны оказать нам помощь в борьбе с внутренними врагами, которые страшнее германских войск. Мы умеем ценить своих помощников.

– Мне не нужны деньги. Просто я ненавижу всех этих мнимых борцов за справедливость, которые при малейшей опасности сбегают за границу и там шикарно живут на партийные деньги.

– Я вас вполне понимаю. Вы теперь наш сотрудник, только без погон, и ваши сообщения в целях конспирации будете подписывать вымышленным именем, допустим, «Схимник».

– Да, но в нашей подпольной группе есть бывший семинарист.

– Вот и хорошо. Если ваши товарищи заподозрят кого-нибудь в измене, то узнав, что их выдает какой-то «Схимник», подумают на этого человека. А поскольку он не виновен, то ему будет легко оправдаться.

И осознавая подлость сделанного ему предложения, Титов для обеспечения собственной безопасности дал согласие. Он на нескольких листах описал деятельность своей тайной организации и перечислил входящих в неё лиц. Ротмистр похвалил:

– Вы дали нам важные ниточки, дергая за которые, мы пресечём преступные замыслы и уберём от каторги многих молодых людей.

Едва Титов ушел, офицер с довольством подумал, что разочарованный в идеалах революции Титов станет весьма ценным сотрудником. Ротмистр не ошибся. Важная информация шла от Схимника непрерывно. Оберегая тайного сотрудника от разоблачения, охранка проводила аресты по его сообщениям лишь в крайних случаях.

Когда через несколько месяцев нашли в петле тело бывшего семинариста из их группы, Титов в ужасе подумал, что товарища ошибочно казнили по его вине. Но ротмистр при встрече сумел убедить его, что юноша покончил с жизнью из-за несчастной любви. И Титов, подавив угрызения совести, продолжил тайное сотрудничество.

Но настал момент, когда товарищи всё же заподозрили Титова в предательстве. И полиция была вынуждена его арестовать, что сразу оправдало его в глазах подпольщиков. Полиция намеревалась вскоре освободить Титова из-за отсутствия доказательств вместе с другими мелкими фигурами революционного движения.

Но история распорядилась иначе. В феврале 1917 года произошла революция и содержащиеся в тюрьме политические заключенные были выпущены из тюрьмы. Боясь разоблачения, Титов сразу поспешил к зданию охранки. Здесь уже кипели страсти. Разъяренная толпа долбила куском рельса дверь и бросала в здание вывороченные из мостовой булыжники, наслаждаясь звоном разбитых стекол. Титов заметил среди руководителей толпы Тимофеева и сразу понял, что главарь их организации тоже стремится уничтожить изобличающие его полицейские документы.

Наконец дверь слетела с петель, и в проем ринулись народные мстители. Титов, не раздумывая, бросился вслед за всеми. Вбежав на второй этаж, он ворвался в кабинет теперь люто ненавидимого ротмистра, втянувшего его в тайное сотрудничество. Отсюда уже успели вынести массивные напольные часы, серебряные подстаканники, и украшенный дорогими камнями портсигар. К везению Титова большинство погромщиков интересовали материальные ценности, а не официальные документы.

Титов бросился искать среди разбросанных на полу папок своё досье секретного сотрудника. Ему повезло найти его в углу кабинета. Поспешно засунув драгоценную папку под пальто, Титов поспешил к выходу. С трудом прорвавшись сквозь толпу все прибывающих для грабежа и разгрома людей, Титов выбрался на улицу и поспешил домой.

Едва войдя в комнату, он запер дверь и разжёг печку. Затем начал вырывать по несколько листов из своего секретного дела, комкать их и бросать в пламя. С наслаждением наблюдал, как безжалостный костерок бесследно уничтожает свидетельства его бесславного предательства. Закончив уничтожение, с тревогой подумал:

«Только бы ротмистру удалось скрыться за границу. Если поймают, то он, спасая свою шкуру, сразу меня выдаст».

Но Титов зря беспокоился. На следующий день он узнал, что переодетого ротмистра опознали, и казнили, протащив за привязанную к ногам веревку по булыжной мостовой. И Титов вздохнул с облегчением: он был свободен от своего темного прошлого.

Вскоре после нового переворота и победы большевиков Титов, оправившись от страха, решил потребовать от новых властей оценить его прежние революционные заслуги. С учётом его юридического образования ему предложили работу в уголовном розыске. Новая должность

вполне удовлетворяла самолюбие Титова, опьяняя бескрайностью всевластия и относительно благополучным материальным достатком.

Прошло пять лет. Масса событий, стремительно сменяющих друг друга, постепенно начали вытеснять из сознания Титова его прошлое сотрудничество с охранкой. И ему стало казаться, что тайна его бесславного предательства навсегда ушла в прошлое. Так было до дождливого вечера 1923 года, когда при очередной облаве, в закинутые милицией сети попал человек, способный погубить достигнутое им с риском благополучие.

В тот вечер операция прошла без особых происшествий. Все камеры были забиты задержанными людьми. Бродяги и уголовники здесь томились вместе с загулявшими нэпманами. Титову и его товарищам предстояло проверить весь этот человеческий материал. Эта работа не была формальной и скучной. Титову нравилось разгадывать в считанные минуты, кто перед ним сидит: матерый преступник или случайно задержанный при облаве смертельно напуганный мещанин.

В буре революционных событий были уничтожены картотеки уголовников. И для их опознания новая власть привлекала специалистов из сыскной полиции, не участвующих до революции в политических репрессиях. Но опытных сыщиков не хватало, и Титов с товарищами полагались на свой опыт и обостренную интуицию.

Спустившись вниз в подвальное помещение, он начал внимательно рассматривать задержанных. Внезапно его глаза встретились с настороженным прищуром хорошо одетого господина в модном котелке. И чекист узнал руководителя их подпольной организации Тимофеева. Титов тут же приказал конвойному привести того на допрос.

Пока Тимофеев протискивался сквозь толпу задержанных к выходу из камеры, Титов обошел взглядом остальных задержанных и увидел среди них знакомое круглое лицо Лося:

«Ещё один сюрприз. По слухам этот рецидивист гастролирует в Поволжье и причастен к убийству. Надо будет выяснить, зачем он в Москву пожаловал. Но сначала разберусь с Тимофеевым. Похоже, встреча с этими двумя типами сулит мне нечаянный интерес».

Заведя Тимофеева в кабинет, Титов сел за стол и сухо спросил:

– Фамилия, имя, отчество?

– Что ты, Титов, комедию ломаешь? Забыл, как под моим руководством листовки расклеивал, и динамит по явочным квартирам развозил? Документы у меня в порядке и зовут меня, как и прежде Тимофеевым Михаилом Георгиевичем. Какие еще будут вопросы?

– Ладно, не сердись. А вопрос я задал резонно: многие свои родословные данные поменяли. Может быть, ты переметнулся к врагам и теперь во вражеском подполье обретаешься.

– Господь с тобой, Титов. Зачем мне старому революционеру после победы народа над ненавистным режимом прятаться?

– Так-то оно так, но шуба на тебе буржуйская и костюмчик по индивидуальному заказу пошит. Не похож ты на правоверного коммуниста.

– А я никогда им не был. Мечтал бедняков накормить, а их еще больше после революции стало. Слышал, по Москве свежий анекдот ходит. Воскрес ныне декабрист, казненный в 1825 году. Идет по Сенатской площади и спрашивает у встречных: зачем вы восстали и царя свергли? А люди отвечают: да чтобы богатых искоренить. Декабрист горько вздохнул: а мы век назад восстали, чтобы наоборот, бедных не было. Вот так, Титов.

– Ты мне, Тимофеев, антисоветскую пропаганду не разводи. За этот анекдот я тебя к стенке могу поставить. Да и по твоей шубе с барского плеча не заметно, что ты бедствуешь. Откуда, кстати, дровишки?

– Брат мой Станислав до революции крупным негодьянником был. Перед смертью мне открыл, где товар спрятан. Когда нынешние власти торговлю поощрять стали, я достал мануфактуру и прочие колониальные товары. Открыл лавочку, доходы удачно в оборот пустил. Живу тихо, никого не трогаю. Мировой революцией больше не интересуюсь.

– Да и раньше, ты в нее не очень-то верил, на лихаках с девицами раскатывая. Я еще тогда подозревал, что ты на полицию работаешь.

– Вон ты как заговорил! Только и я не гнилыми нитками сшит. Так знай, что ротмистр Петров с моей подачи тебя завербовал. Я ему на тебя указал, как на возможного помощника, почувяв, как ты себя сильно любишь. Так что, «Схимник», отпускаяй меня скорее.

Титов на мгновение похолодел от страха. И тут же принял решение немедленно ликвидировать Тимофеева. Для этого вполне подходил задержанный во время облавы Лось. И Титов легко согласился:

– Ладно, Тимофеев, отпущу тебя на волю, но не сразу, а утром. Таков порядок. А пока возвращайся в камеру и забудь о нашем разговоре.

– Договорились!

Торжествуя свою победу, Тимофеев в сопровождении Титова вернулся в камеру. А чекист указал конвоиру на Лося:

– А теперь выводи на прощупывание вон того амбала.

Раздвигая сокамерников могучими плечами, Лось легко выбрался наружу. Когда Титов завёл уголовника в свой кабинет, тот, молча, ожидал первого хода чекиста. И Титов начал допрос:

– Ну, вот, Лось, и свидетелись.

– Правильно говорят, никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

– Сейчас ты нашел или потерял?

– А это зависит, какая у вас память: короткая или длинная?

– О памяти потом поговорим. Саратовская милиция с ног сбилась, собираясь тебя пулей наградить за убийство семьи торговца Кожухова. Ты с сообщниками даже детей не пощадил.

– Я лично там никого и пальцем не тронул: только лари вскрывал в поисках золота. Ванька Дронов со Степаном Симоновым руки кровью обагрили. А я на мокруху не подписывался.

– Они, наоборот, тебя под вышку на допросах подводят.

– Это их дело. Встретимся в тюрьме. Там с них и спрошу.

– А мне-то что с тобой делать? Придется направить по этапу в Саратов. Там и оправдываться будешь.

– А зачем тебе это, Титов? Ксива у меня на другое имя. Теперь я Лужин. Документы справные, ловкий умелец делал. Бродяг по кличке «Лось» много по России бегают. Так что, если хочешь отплатить добром на добро, отпусти как благонамеренного гражданина.

– Это ты завираешься. Так дела не делают. То, что раньше было, то быльем поросло. Ты мне новую услугу окажи.

– Говори, что надо?

– Видел господинчика, в дорогой шубе, побывавшего до тебя в моём кабинете? Так вот, он с охранкой до революции сотрудничал. Уличить его не могу, а наказать хочется. Остается лишь надеяться, что он помрет от угрызений совести сегодня ночью. Что скажешь?

– Дело-то нетрудное. А что взамен?

– Мое покровительство и защита на московской земле. Поверь, это дорогого стоит.

– Я понял. Все сделаю. Отправляй обратно в камеру. Только я заметил как этот тип, золотые часы в носок затырил. Ему ведь, они скоро будут ни к чему. Могу себе оставить?

– Замётано. Только действуй осторожно. Никаких побоев на теле, чтобы не было. Спишем смерть на несчастный случай.

– Не волнуйся зазря, начальник. Все сделаю в наилучшем виде.

Отведя Лося в камеру, Титов занялся другими задержанными. Он был уверен в успехе затеянной им комбинации.

Ближе к утру, когда уже слипались глаза, в кабинет Титова зашел один из конвойных:

- У нас в камере жмурик объявился. Лежит на полу в шубе и не дышит.
- Дело обыденное. Вызовите доктора Радзиевича. Пусть даст заключение.

Когда конвоир вышел, Титов смог, наконец, свободно вздохнуть:

«Лось слово сдержал. Теперь надо обойтись без шума и скандала. Радзиевич у меня на крючке. Его родной брат белый офицер из Крыма за кордон сбежал. Медик напишет нужное мне заключение».

Радзиевич был обеспокоен срочным вызовом. Титов удовлетворенно усмехнулся:

– Ну что, лепила, давно не виделись? Не пугайся раньше времени. Дел – то всего минут на десять. Там какой-то нэпман загнулся от обильного ужина в трактире. Сердце у него было слабое, вот и не выдержало. Тебе надо составить бумаги о естественной смерти задержанного лица при облаве.

– Другие варианты не рассматриваются?

– Нет, иначе бы я лично тебя не потревожил. Да еще, от тела надо быстро избавиться, чтобы зарыли в общую могилу, как неизвестное лицо. Нам лишние неприятности ни к чему.

– Я все сделаю, как положено. Не беспокойтесь.

– Тогда иди, мне еще работать надо.

Немного выждав, Титов направился вниз в подвал. Навстречу ему попались двое санитаров с носилками, на которых уносили тело внезапно усопшего Тимофеева. Стараясь не смотреть на труп, Титов подошел к камере и вновь вызвал на допрос Лосю. Ему предстояло договориться с этим опасным человеком о дальнейших совместных действиях.

Глава II Двойная игра.

Прошло полгода. Секретное сотрудничество с Лосем приносило обильные плоды. С его помощью была ликвидирована банда Кухарского, задержано несколько опасных рецидивистов. Но однажды Лось на очередной встрече сообщил, что оказался в рискованной ситуации:

– Сажень и Веник пригласили меня участвовать в налёте на дом торговца ювелирными изделиями. Хозяина с женой и прислугой пустят в расход. Дело расстрельное, но отказаться я не могу, поскольку посвящен в детали плана. Вот и думаю, вместе с Нинкой смотаться из Москвы?

– Ты стал слишком осторожничать после того как связался с этой шикарной девицей. Понятно, что без дорогих подношений и ресторанов Нинка с тобою долгие отношения строить не будет. Так что берись за это дело. Когда золото у нэпмана заберёте, и будете уходить, в районе Ордынки появится патруль. Ты пальнешь в их сторону и беги. Я там буду и позволю тебе уйти с частью добычи. А через часок встретимся с тобой на конспиративной квартире и подумаем, как разделить добычу.

– А с Саженью и Веником что будет?

– Какая твоя печаль? Удастся им уйти, их фарт, а если положим обоих, то значит так у них на роду было написано.

– Сладко поёшь, Титов. Вот только одного я не пойму: зачем нам встречаться сразу после грабежа и уличной пальбы?

– Действительно, не понимаешь? Неужели, рассчитываешь нэпманское богатство обратить исключительно в свою пользу?

– Конечно, нет, я правила соблюдаю. Основная доля пойдёт в пользу милиции. Себе оставляю только немного золота на красивую жизнь. К тому же, богатая добыча укрепит мой авторитет среди бродяг.

– А я и не собираюсь у тебя все отбирать. Штук пять безделушек и немного денег в свою пользу оставишь. И это будет по справедливости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.